

На правах рукописи

Павлов Юрий Анатольевич

**ВОЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ
И ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ
во второй половине XIX — начале XX в.**

Специальность 07.00.02 — «Отечественная история»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Владивосток — 2006

Работа выполнена в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Научный руководитель кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Сергеев Олег Игоревич

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор
Беляева Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук, доцент
Троицкая Наталья Анатольевна

Ведущая организация **Дальневосточный государственный гуманитарный университет**

Защита состоится 27 декабря 2006 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д. 005.010.01 в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по адресу: 690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Автореферат разослан «____» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Сухачева Г.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Военная тематика традиционно занимает почетное место в структуре исторических исследований отечественных и зарубежных специалистов. На сегодняшний день накоплен большой объем публикаций, посвященных военной истории. Однако, несмотря на устойчивый интерес и многочисленные усилия по разработке этой темы, ее исследование нельзя считать завершенным. Неизменный интерес к ней связан с пересмотром места и роли силовых структур в общественно-политической жизни современной России.

Несмотря на то, что армия является силовой структурой, ее роль не исчерпывается функциями принуждения и насилия. Она способна принять на себя и конструктивные обязанности, участвовать в формировании, развитии и укреплении общественно-политического порядка, вести подготовку специалистов в области управления.

В дореволюционной России привлечение профессиональных военных к гражданской службе получило повсеместное применение и зачастую являлось особым способом освоения окраинных территорий. Со времен первоначальной колонизации Дальнего Востока вооруженные силы, расположенные на его территории (в первую очередь офицерский корпус) использовались помимо своего прямого назначения в самых разнообразных целях, в том числе для организации и осуществления процесса управления. Поэтому изучение роли военных деятелей в системе гражданского управления на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в. является актуальной темой. Постановка данной проблемы позволит по-новому взглянуть на многие вопросы региональной истории.

Степень изученности проблемы. В историографии вопроса можно выделить несколько хронологических периодов: дореволюционный, советский, постсоветский.

Дореволюционная историография. Дореволюционные историки и правоведы внесли значительный вклад в исследование органов гражданского управления, в их трудах было систематизировано и детально проанализировано законодательство, определявшее деятельность местного управления в дореформенной и пореформенной России; выявлены специфические черты управления окраинами; отмечено большое значение личностного фактора в административной практике¹.

¹ Градовский А.Д. Собр. соч. в 8 т. СПб., 1899. Т. 1—2.; Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1904—1905. Т. 1—2; Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904; Корф С.А. Очерк исторического развития губернаторской должности в России //

Положение армии в контексте общегосударственной истории нашло отражение в ряде работ Р.А. Фадеева и А.Н. Куропаткина. Причины кризиса армии они связывали с сокращением финансирования, допуском в офицерский корпус недворянского элемента, преобладанием штабного и канцелярского элементов над строевым и постепенным падением уровня благосостояния офицеров относительно других профессиональных групп².

Уже в то время исследователей привлекали фигуры крупных государственных и военных деятелей, таких как Н.Н. Муравьев-Амурский и Н.П. Синельников. И.П. Барсуковым и П.П. Суворовым были написаны биографии этих генерал-губернаторов, проанализирована их кадровая политика, показаны причины конфликтов как с центральной властью, так и с отдельными губернаторами³.

Во второй половине XIX — начале XX в. вышел ряд работ, авторами которых являлись непосредственные участники многих важных событий в жизни Дальнего Востока. Военные и гражданские деятели: А.Ф. Рагоза, П.Ф. Унтербергер, В.А. Калинин, Н.П. Матвеев и А.М. Бодиско — в своих работах повествуют о роли армии и флота в процессе колонизации и хозяйственном обустройстве территории, особенностях внутренней политики России на Дальнем Востоке, функционирования местной администрации⁴.

Многие работы дореволюционных авторов носили очерковый и мемуарно-исследовательский характер. Тем не менее, они вносят весомый вклад в создание целостной картины системы управления на российском Дальнем Востоке.

Советская историография. Важнейшим событием в советской историографии стало появление классического труда П.А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.», в котором были

рассмотрены условия службы и состав чиновничества, в том числе высшего и губернского звеньев бюрократии, прослежена эволюция состояния чиновничества в целом и указанных его групп в XIX в.⁵

Существенно продвинули изучение структуры и функционирования аппарата управления работы, посвященные внутренней политике самодержавия XIX — начала XX в., особенно труды Н.П. Ерошкина, В.Г. Чернухи, И.В. Оржеховского, А.П. Корелина⁶.

Усилиями сибирских историков Л.М. Дамешека, В.Н. Никулина, А.Г. Топчого, Г.Ф. Быкони в 1970—1980-е гг. были достигнуты серьезные успехи в изучении системы местного управления, эволюции правительственной политики и отдельных ее направлений (управление крестьянами, казаками, ссыльнокаторжными, инородцами)⁷.

В дальневосточной советской историографии развитие системы управления и гражданской службы не стали предметом специального изучения, а деятельность местной администрации затрагивалась попутно при исследовании колонизации Дальнего Востока, развития промышленности и сельского хозяйства, транспорта и связи, изучения рабочего и революционного движения.

Одним из первых исследователей, который начал разрабатывать проблему формирования российской государственности на Дальнем Востоке в дореволюционный период, был А.И. Крушанов. В его работах проанализирована структура военно-бюрократического управления Приамурского генерал-губернаторства, а также нашли отражение общие вопросы социально-экономического и социально-политического развития дальневосточного региона⁸.

⁵ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

⁶ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978; Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60—70-х годах XIX века. Горький, 1974; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

⁷ Никулин В.Н. Управление крестьянами Сибири в 1861—1905 годах. Новосибирск, 1979; Топчий А.Г. Крестьянские реформы в Сибири (1861—1889). Томск, 1979; Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX в. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX в.). Иркутск, 1986.

⁸ Крушанов А.И. Административное устройство Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX в. // Материалы по истории Владивостока. Кн. 1. 1860—1917. Владивосток, 1960; Он же. Октябрь на Дальнем Востоке. Ч. 1. Русский Дальний Восток в период империализма (1908 — март 1917). Владивосток, 1968 и др.

Вестник права. 1901. № 9; Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1905; Савич Г.Г. Законы об управлении областей Дальнего Востока. СПб., 1904.

² См. сборник: Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003. С. 304—368, 444—610; Куропаткин А.Н. Итоги русско-японской войны. СПб., 1906; Он же. Русская армия. СПб., 1910.

³ Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Материалы к биографии. М., 1891; Суворов П.П. Сенатор Н.П. Синельников. Биографический очерк // Исторический вестник. 1894. № 4; Он же. Сенатор Синельников и император Александр II // Исторический вестник. 1899. № 1.

⁴ Рагоза А.Ф. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Хабаровка, 1891; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856—1898. СПб., 1900; Он же. Приамурский край. 1906—1910. СПб., 1912; Калинин В.А. Краткий исторический очерк города Никольска-Уссурийского. Никольск-Уссурийский, 1913; Бодиско А.М. Из жизни Хабаровска. Хабаровск, 1913; Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1910.

В развитии дальневосточных исследований значительным этапом стала подготовка и издание в 1991 г. коллективной монографии «История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма». Хотя система управления была освещена очень сжато, а характеристика деятельности региональной администрации по объективным причинам практически отсутствует, но анализ основных социально-экономических процессов и описание многих событий общественно-политической жизни края дали толчок для дальнейшего изучения системы государственного управления⁹. Таким образом, в советский период историографии в оборот было введено много новых документов и материалов, но исследования по-прежнему велись в рамках господствующих теоретических концепций, а выводы подчинялись идеологическим и политическим установкам.

Постсоветская историография. В последние годы появились новые историографические подходы в изучении истории государственного управления и гражданской службы. Возникла необходимость по-новому осветить многие этапы их исторического развития, прежде всего в региональном измерении.

В целом ряде работ отечественных историков продолжено начатое П.А. Зайончковским изучение социального облика чиновничества и офицерства¹⁰. Предметом специального рассмотрения стала управленческая деятельность как отдельных генерал-губернаторов и губернаторов Европейской России и Сибири, так и местной администрации в целом. Однако исследователями преимущественно рассматриваются верхние этажи военной и административной иерархии, а изучение среднего и низшего уровней региональной власти в сравнении с началом 1990-х гг. практически не продвинулось¹¹. Ряд работ был посвящен истории государственной службы в целом¹².

⁹ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М., 1991.

¹⁰ Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х годов XIX в. М., 1991; Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. СПб., 2001.

¹¹ Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996; Тверские губернаторы. Тверь, 1996; Полвинен Т. Держава и окраина: Н.И. Бобриков генерал-губернатор Финляндии. СПб., 1997; Зубов В.Е. Административный аппарат Западной Сибири конца XVIII — первой половины XIX в. Автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997; Акьюлов А.С. В.А. Перовский — губернатор Оренбургского края. Автореф. ... канд. ист. наук. Уфа, 2002; Павлов А.А. Губернатор И.И. Крафт: опыт управления Якутской областью. Автореф. ... канд. ист. наук. Якутск, 2003.

¹² Беленков О.В. Развитие института государственной службы России во второй половине 1850-х годов. Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. XVIII—XX в. М., 2000; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2-х т. СПб., 2001.

Важное место в изучении поставленной проблематики имеют исследования Н.П. Матхановой. Она проанализировала кадровый состав высшей администрации Восточной Сибири середины XIX в. с использованием как официальных (чин, должность), так и неофициальных (реальный объем властных полномочий) критериев, значительную часть работ посвятив изучению персоналий: генерал-губернаторов, губернаторов и чиновников среднего уровня¹³.

А.В. Ремнев в ряде работ анализирует проблемы взаимоотношений центра и региона (прежде всего Сибири и Дальнего Востока), показывает эволюцию правительственной политики по отношению к этим территориям в XIX — начале XX в.¹⁴

На Дальнем Востоке основные усилия историков также были обращены на изучение эволюции системы управления и гражданской службы. Исследователями Н.И. Дубининой, Н.А. Троицкой, Т.А. Константиновой, А.И. Петровым, А.И. Костановым, В.М. Латышевым, А.Ю. Мальцевым, В.И. Калининим, А.В. Милежиком, нарисованы выразительные портреты как отдельных представителей высшей администрации Приамурского края, так и генерал-губернаторского и губернаторского корпуса в целом с анализом их кадрового состава, материального положения и условий службы, раскрыта роль властных структур в укреплении безопасности, освоении и обустройстве дальневосточной окраины, показано участие в культурно-просветительской деятельности¹⁵.

¹³ Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998; Она же. Военные в составе высшей администрации Восточной Сибири середины XIX в. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI—XX веков. Материалы 4-й региональной науч. конфер. Новосибирск, 1999; Она же. Первый губернатор Амурской области Н.В. Буссе // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск, 2000.; Она же. Губернатор на фронтире. Первый губернатор Приморской области Восточной Сибири П.В. Казакевич // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX в.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002; Она же. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.

¹⁴ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX в. Омск, 1997; Он же. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.). М., 1997; Он же. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX в. Омск, 2004.

¹⁵ Дубинина Н.И. Генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997; Она же. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2002; Троицкая Н.А. Сахалинские губернаторы // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1998. № 1, 2; Она же. Военные губернаторы Амурской области: к вопросу о кадровом обеспечении (вторая половина XIX — начало XX в.) // Первые Крушановские чтения. Владивосток, 2001;

Становлению и развитию административно-полицейской системы на Дальнем Востоке посвящены диссертационные исследования Я.Л. Салогуб и Е.В. Гамермана, а также коллективная монография А.М. Буякова, В.О. Шелудько, В.А. Черномаза¹⁶. Численность, сословный, образовательный состав, экономическое положение дальневосточного чиновничества, условия его службы, взаимоотношения с местным населением во второй половине XIX в. были рассмотрены в ряде работ Ю.Н. Поповичевой, которые получили дальнейшее отражение в диссертационном исследовании. Однако она изучила преимущественно гражданское чиновничество. Офицерский корпус как один из источников пополнения мест в администрации его специально не рассматривался¹⁷.

Общей чертой разных по предмету исследования, объему и характеру монографий и статей последнего времени стало стремление исследователей объективно проанализировать методы деятельности дальневосточных администраторов, ее положительные и отрицательные результаты, характер отношений с центральными органами власти, местным обществом и подчиненными, проследить влияние личных качеств на стиль и методы управления.

Зарубежная историография. Особого внимания заслуживают иностранные труды, написанные на стыке военной и гражданской истории, прежде всего исследования Дж. Кипа, В. Фуллера, Д. Байрау, Дж. Бушнелла.

Петров А.И. Военный губернатор Приморской области И.Г. Баранов // Вестник ДВО РАН. 2000, № 2; Калинин В.И., Аюшин Н.Б. Губернатор (инженер-генерал П.Ф. Унтербергер) // Россия и АТР. Владивосток, 2000. № 2; Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000; Константинова Т.А. Губернаторы Забайкалья. 1851—1917 гг. Чита, 2001; Мальцев А.Ю. Особенности регионального политического лидерства России (на примере восточносибирских и приамурских генерал-губернаторов). Автореф. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2003; Милежик А.В. Наместник Дальнего Востока Е.И. Алексеев (1843—1918): штрихи к политическому портрету // Четвертые Гродековские чтения. Материалы региональной науч.-практич. конфер. Ч. 1. Хабаровск, 2004 и др.

¹⁶ Шелудько В.О., Буяков А.М., Черномаз В.А. Органы внутренних дел Приморья (1860—1917). Владивосток, 2004; Гамерман Е.В. Правоохранительные органы Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в. Автореф. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005; Салогуб Я.Л. Становление и развитие системы административно-полицейского управления на Дальнем Востоке (50-е годы XIX — начало XX в.). Автореф. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005.

¹⁷ Поповичева Ю.Н. Экономическое положение чиновничества Дальнего Востока во второй половине XIX в. // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2000. Вып. 3; Она же. Динамика численности и источники формирования дальневосточного чиновничества во второй половине XIX века // Шестая дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток, 2001; Она же. Дальневосточное чиновничество во второй половине XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003.

Джон Кип на большом фактическом материале анализирует роль армии в государственной и общественной жизни России. По его глубокому убеждению, дореформенная Россия являлась милитаристским государством. Дж. Кип полагает, что и в пореформенный период она во многом сохранила свой милитаристский облик, несмотря на заметное снижение доли военных представителей в правящей элите¹⁸.

Вильям Фуллер в своей работе исследует борьбу между военным министерством и гражданскими ведомствами за финансовые потоки внутри государства, а также использование армии в качестве политической силы для поддержания государственного строя и общественного порядка¹⁹. Примерно в таком же ракурсе применительно к XIX в. рассматривали российскую армию западные историки-слависты: Дитрих Байрау, Питер Кенез, Джон Бушнелл. Они проанализировали социальный состав и материальное положение солдат и офицеров, вопросы идеологии и профессиональной подготовки вооруженных сил²⁰.

Ричард Роббинс подробно рассматривает положение, круг действий, отношения с центральной властью, подчиненными и местным обществом российских губернаторов конца XIX — начала XX в. Используя методику, сходную с той, что применял П.А. Зайончковский, он детально рассмотрел правительственную политику в области формирования бюрократии, условия службы и материальное положение губернаторского корпуса²¹.

Таким образом, внимание современных исследователей по большей части было сосредоточено на бюрократии центральных и высших органов власти. Вместе с тем провинциальные деятели России XIX — начала XX в. изучены недостаточно. До сих пор не создано и обобщающего исследования о роли военных деятелей в системе гражданского управления на российском Дальнем Востоке. Все это говорит о значимости проведенного диссертационного исследования.

Целью работы является изучение роли военных деятелей в системе гражданского управления на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в.

¹⁸ Keep J.L. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia: 1462—1874. Oxford, 1985. P. 4.

¹⁹ Fuller, W.C. Civil-Military conflict in Imperial Russia. 1881—1914. Princeton, 1985.

²⁰ Curtis J.S. The Russian army under Nicholas I: 1825—1855. Durham, 1965; Kenez P. Russian Officer Corps before the Revolution: The Military Mind // Russian Review. 1972. Vol. 31; Bushnell J. The Tsarist Officer Corps, 1881—1914: Customs, Duties, Inefficiency // American Historical Review. 1981. Vol. 86; Beyrau D. Militär und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland. Köln, 1984 и др.

²¹ Robbins R. The Tsars Viceroy. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca; 1987.

В соответствии с указанной целью автор ставит перед собой следующие задачи:

- проследить процесс формирования и развития системы гражданского управления на Дальнем Востоке в контексте проблемы привлечения в нее офицеров;
- проанализировать уровень материального положения офицеров, служивших в регионе, выявить причины их перехода на гражданскую службу;
- рассмотреть деятельность военных в составе высшего, среднего и низшего звена гражданского управления на Дальнем Востоке с учетом их социальных характеристик (происхождение, образование, возраст и т.п.);
- определить в составе военных деятелей, находившихся в системе управления, различные подгруппы, отличающиеся по формальным и неформальным признакам, а также особенностями социокультурного характера.

Объектом исследования являются *военные деятели и гражданская служба*. В категорию «военные деятели» нами включаются лица, имевшие специально-военную подготовку (образование) и персонально присвоенные офицерские звания. К общему реестру офицерского корпуса были отнесены лица как сохранившие военные звания, так и запасные, отставные и переименованные в гражданские чины, а в период 1850—1870-х гг. и многие офицеры милитаризованных корпусов (лесничих, горных инженеров, путей сообщения и др.), что было специфической чертой эпохи.

Под *гражданской службой* понимается особая сфера профессиональной деятельности лиц на должностях государственной гражданской службы по обеспечению полномочий центральных и региональных органов государственного управления Российской империи, отличавшаяся иерархическим, ведомственным разделением функций и сложившейся системой чиновничества, основанной на сословном происхождении, выслуге и образовании.

Предметом исследования являются деятельность офицеров на гражданской службе и их социокультурные характеристики.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX — начала XX в. Нижняя граница определяется присоединением к России Приамурья и Приморья и их первоначальным заселением, подписанием Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров, образованием Камчатской (1851), Забайкальской (1851), Приморской (1856) и Амурской (1858) областей. Верхняя ограничивается Февральской буржуазной революцией 1917 г. и связана с ликвидацией монархического строя в России.

Территориальные рамки исследования охватывают Приамурское генерал-губернаторство в административных границах 1884 г. (Забайкальская, Амурская, Приморская области, о. Сахалин).

Методологическая основа работы. Диссертационное исследование написано в контексте социальной истории. Современная ее интерпретация включает в себя различные теории и модели исторического развития. Главный ориентир социально-исторических исследований — желание антропологизировать историю, максимально насытить ее человеческим содержанием. При таком условии реальное человеческое содержание истории становится основным «ключом», способом исторического анализа.

В основе используемой в диссертации методики лежит сочетание анализа основных социальных характеристик отдельной группы деятелей (в данном случае военных), впервые примененного П.А. Зайончковским и просопографического подхода, сущность которого заключается в рассмотрении индивидуальных биографий с целью выявления общих характеристик, присущих определенным социальным группам. При проведении исследования использовались методы: проблемно-хронологический, статистического анализа, культурно-нормативной стратификации, приемы сравнительного анализа с использованием различных источников и литературы. При работе над диссертацией автор опирался на принципы объективности и историзма.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные документы и материалы. Их условно можно разделить на несколько групп. Опубликованные источники представлены нормативно-правовыми актами, правительственными постановлениями, инструкциями различных ведомств, статистическими сборниками, материалами периодической печати.

Первую группу источников составили *нормативно-правовые акты*, опубликованные в Своде законов Российской империи, в особенности «Устав о службе гражданской» (в изданиях 1857 и 1876 г.), в котором содержатся основные правила, определявшие правовое положение офицеров перешедших на гражданскую службу (принципы занятия должностей, материальное положение, условия службы, различные социальные гарантии). Необходимо отметить плодотворную археографическую работу, проводимую сотрудниками Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Ими были изданы несколько сборников документов по истории Дальнего Востока, в том числе по истории системы управления. Особого внимания заслуживает начавшаяся с 2002 г. публикация законодательных актов по освоению дальневосточного региона, представленных в Полном своде законов Российской империи. В свет вышли уже четыре сборника, которые хронологически охватывают период 1856—1889 гг.²²

²² Дальний Восток России в материалах законодательства. Вып. 1—4. 1856—1889 гг. Владивосток, 2002—2005.

Вторую группу источников составляют *справочные издания*, содержащие общие сведения об аппарате управления на российском Дальнем Востоке. Определенную ценность имеют адрес-календари, путеводители, памятные книжки по областям. В них содержится подробное описание дальневосточных областей с показанием численности и состава аппарата управления, информация о назначениях, перемещениях и увольнении чиновников и офицеров, экономическом состоянии, административном устройстве территорий, общественной жизни населения²³.

Третью группу составляют *источники личного происхождения* (дневники, мемуары, письма). Они содержат ценные сведения о неформальных отношениях, взглядах, настроениях и предпочтениях деятелей администрации, об их поступках в конкретных ситуациях и общей линии поведения отдельных лиц и целых групп. По своему происхождению они принадлежат перу высшей администрации²⁴, средним слоям чиновничества²⁵, казакам²⁶, купцам²⁷, офицерам²⁸, ученым-путешественникам²⁹, иностранцам³⁰.

²³ Памятная книжка Забайкальской области на 1893—1896 гг. Чита, 1893—1896; Сахалинский календарь. Сахалин, 1897; Амурский народный календарь на 1900 г. Благовещенск, 1900; Торгово-промышленный справочник Владивостока и его пригородов на 1912. Владивосток, 1912; Адрес-календарь и торгово-промышленный указатель Дальнего Востока и спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Владивосток, 1913; Токовинин А.А. Памятная книжка Амурской области. Благовещенск, 1914.

²⁴ Корсаков М.С. Отрывки из дневника // Граф Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998; Записки сенатора Н.П. Синельникова // Исторический вестник, 1895. № 6—7.

²⁵ Кейзерлинг А.Г. Воспоминания о русской службе. М., 2001; Струве Б.В. Воспоминания о Сибири // Русский вестник, 1888, № 4—6, 10—11; Милютин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири // Граф Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998 и др.

²⁶ Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом. Хабаровск, 1900; Из истории колонизации Приамурья. Дневник П.В. Белокопытова // Сибирский архив. 1913. № 2; 1914. № 1.

²⁷ Пахолков П.И. Записки об Амуре за первые годы со времени занятия его Россией в 1854 году // Мемуары сибиряков. XIX век. Новосибирск, 2003.

²⁸ Из воспоминаний М.И. Венюкова. Кн. 1. 1832—1867; кн. 2. 1867—1876. Амстердам, 1895; Венюков М.И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952; Заборинский А.И. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в 1848—1856 гг. // Русская старина, 1883. Т. 38; Глен Н.А. Воспоминания // Граф Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998; Линден А.М. Записки // Там же; и др.

²⁹ Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1871.; Алябьев Г. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб., 1872; Описание Амурской области. Сост. Г.Е. Грум-Гржимайло. СПб., 1894; Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904; Кауфман А.А. По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901—1903 гг. СПб., 1905.

³⁰ Хоуз Ч.Г. На Восточной окраине. Отчет о научных исследованиях среди коренных народностей и каторжников Сахалина и заметки о путешествиях в Корею, Сибирь и Маньчжурию. Южно-Сахалинск, 2003.

Большую помощь при проведении исследования оказали сборники материалов «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников» и «Мемуары сибиряков. XIX век». Вышедшие в серии «История Сибири. Первоисточники», составленные сибирскими историками и архивистами (под общей редакцией академика РАН Н.Н. Покровского), они значительно обогатили источниковую базу многих исследователей, занимающихся изучением администрации Сибири и Дальнего Востока середины и второй половины XIX века.

Четвертую группу источников составляет *периодическая печать* (центральные и местные журналы). Из центральных изданий это «Русская старина», «Русский вестник», «Исторический вестник», «Русский архив», из региональных — «Сибирский архив». Содержание прессы за рассматриваемый период было разноплановым. В ней описывались различные административные порядки и местные нравы, назначения и перемещения чиновников и офицеров, криминальная хроника, что служило дополнительным иллюстративным источником.

Приоритетное место как основной компонент источниковой базы при исследовании указанной темы имеют *архивные документы*. Автором изучены и обобщены материалы семи архивов: Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Национального архива Республики Бурятия (НАРБ), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Государственного архива Читинской области (ГАЧО), Государственного архива Амурской области (ГААО), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), Государственного архива Приморского края (ГАПК).

В контексте указанной проблемы большое значение имеют *формулярные списки, личные дела деятелей администрации и послужные списки офицеров*, служивших на Дальнем Востоке. Наибольшее их количество содержится в РГИА ДВ: Ф. 1 — Приморское областное правление; Ф. 702 — Канцелярия Приамурского генерал-губернатора; Ф. 704 — Канцелярия военного губернатора Амурской области; в ГАЧО: Ф. 1 — Забайкальское областное правление; в ГАИО: Ф. 24 — Главное управление Восточной Сибири; Ф. 712 — Горное отделение Главного управления Восточной Сибири.

Формулярные и послужные списки содержат сведения о возрасте, образовании, происхождении, вероисповедании, об основных вехах карьеры, наградах, семейном и имущественном положении. Наличие однотипной, формализованной информации дает широкие возможности для соответствующих обобщений. Всего было обнаружено около 200 формулярных и послужных списков военных деятелей, служивших в составе высшего, среднего и низшего звеньев дальневосточной администрации. При их

отсутствии сведения об офицерах были частично почерпнуты из прошений о принятии на гражданскую службу, которые направлялись на имя губернатора или генерал-губернатора. Зачастую к ним прилагался и аттестат, содержащий сведения о службе просимого лица и основных вехах его карьеры, что является важным информативным дополнением.

Кроме того, в основу исследования положены массовые источники, различные по количеству и качеству информации. В первую очередь — *отчетная документация* (отчеты генерал-губернаторов, губернаторов, градоначальников, горных исправников, чиновников по особым поручениям, отчеты региональных отделений центральных управлений и ведомств). Они содержат ценную информацию о взглядах и намерениях представителей дальневосточной администрации, а также целый комплекс сведений о положении отдельных областей и всего дальневосточного региона, его социально-экономическом и социально-политическом развитии за тот или иной период.

Следующую группу источников составляют *материалы официального делопроизводства*, которые содержат переписку местных чиновников с центральными учреждениями, циркулярные предписания, приказы, правила, распоряжения, секретные донесения, результаты инспектирования различных региональных учреждений. Журналы заседаний, совещаний, официальная переписка чиновников министерств с местными учреждениями, ходатайства, рапорты и записки различных чиновников с мест к вышестоящим инстанциям дают представление о результатах деятельности дальневосточной администрации и позволяют проследить взаимоотношения между всеми уровнями власти.

Таким образом, рассмотренные источники содержат ценную информацию для данного исторического исследования. В значительной степени они дополняют друг друга. Разнообразие их видов, несомненно, повышает ценность информационного поля, создаваемого ими и позволяет полнее и конкретнее рассмотреть исследуемую тему. Все это дает широкие возможности для изучения затронутой в диссертации проблематики и позволяет решить поставленные задачи.

Научная новизна заключается в рассмотрении профессиональных военных в непривычной для них сфере деятельности — гражданской службе. Данное исследование является первой попыткой создания комплексной характеристики состава и деятельности профессиональных военных среди высшего, среднего и низшего звеньев администрации Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в. Анализ значительного количества неопубликованных материалов (прежде всего личных дел, формулярных и послужных списков) позволил выявить и систематизировать

сведения о военных деятелях, проходивших службу в различных отраслях гражданского управления на Дальнем Востоке и обнаружить в их составе различные социокультурные группы, отличающиеся по формальным и неформальным признакам.

Практическая значимость работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по истории Дальнего Востока России, а также общих учебных курсов и спецкурсов по военной истории XIX — начала XX в.

Апробация результатов. Диссертация выполнена в соответствии с планом научных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Основные положения и выводы диссертации отражены в публикациях, прошли апробацию и обсуждались на заседаниях Отдела дореволюционной истории Дальнего Востока России, а также докладывались на международных и региональных конференциях: «Россия и страны АТР в военных конфликтах и мировых войнах XX века» (Хабаровск, 2005), «III—V Гродековские чтения» (Хабаровск, 2001, 2004, 2006), «8-я, 10-я Конференции молодых историков» (Владивосток, 2004, 2006).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы, проводится анализ историографии и источниковой базы, формулируются объект и предмет исследования, его цели и задачи, определяются хронологические и территориальные рамки работы, формулируются основные методологические принципы, раскрывается научная новизна, практическая значимость и апробация результатов исследования.

Первая глава — «*Офицерский корпус, система управления и гражданская служба на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в.*» — посвящена рассмотрению гражданской и военной службы на Дальнем Востоке и состоит из трех параграфов.

В первом параграфе рассмотрены общие тенденции развития военной и гражданской службы в Российской империи в указанный период. Во второй половине XIX — начале XX в. в России происходили два взаимообусловленных процесса: падение престижа военной службы и возрастание роли службы гражданской, продолжавшиеся вплоть до 1917 г. Пришедшая

к власти вместе с Александром II группировка «либеральных бюрократов» уже не пыталась опираться на военных в решении внутривнутриполитических задач, а нарастание антимилитаристских настроений и изменение места и роли силовых структур в государстве служили идейным ориентиром и для российского общества.

Во втором параграфе проанализированы процесс становления и развития системы управления на Дальнем Востоке и особенности прохождения здесь гражданской службы. В соответствии с критерием (должность) нами выделяются три звена в административно-управленческом аппарате: высшее (I—V классов), среднее (VI—VIII классов) и низшее (IX—XIV классов). Кратко освещены место и роль гражданских должностей в системе управления Дальнего Востока, перечислены их функции и полномочия.

Отмечается, что кадровый вопрос на Дальнем Востоке оставался одним из самых сложных на всем протяжении исследуемого периода. Дефицит гражданских специалистов вынуждал местные власти прибегать к услугам офицеров. Замещение ими административных пустот стало на Дальнем Востоке постоянной практикой. Рекрутирование офицеров на гражданские должности было оптимальным, так как не несло весьма крупных издержек на удовлетворение их путевым довольствием на проезд к месту службы.

Положение военных и гражданских лиц можно рассматривать в контексте идеи специализированной бюрократии. Современный американский политолог Дж. Уилсон обозначает этим термином два типа чиновников: «чиновников-мандаринов» (специалистов общего профиля), и «чиновников-функционеров» (узкого профиля)³¹. Военные деятели олицетворяли собой первый тип, а служащие, например, казенной палаты — второй. Гражданские специалисты часто испытывали недостаток образования и общей эрудиции вне своей узкой сферы деятельности. Это обстоятельство снижало их политический вес в глазах правящей элиты и укрепляло позиции профессиональных военных, делая их более предпочтительными, особенно при организации имперского пространства на окраинах.

В третьем параграфе исследуются имущественное положение офицеров, служивших на Дальнем Востоке России, и причины их перехода на гражданскую службу. Благополучие офицерства определялось в основном его денежным содержанием. Оно складывалось из нескольких выплат: жалованья (по чину), столовых (по должности), квартирных (в зависимости от чина, города и семейного положения) и добавочных. В этом отношении вторая половина XIX в. и начало XX в. несколько отличаются друг от друга.

³¹ Цит. по: Макарин А.В. Бюрократия в системе политической власти. СПб., 2000. С. 42—43.

Во второй половине XIX в., в связи с падением престижа военной службы в России, материальное положение среднестатистического офицера сравнительно с представителями других профессиональных групп того же «уровня» менялось в худшую сторону. Разрыв в оплате труда чиновника и военнослужащего был очень существенным на уровне обер- и штаб-офицерских чинов. Правда, он несколько уменьшался на уровне генералитета, но и здесь сохранялось преимущество гражданских лиц. Младшие офицеры до капитана включительно испытывали особенные финансовые затруднения, так как их содержание было едва ли сопоставимым даже по отношению к отдельным категориям квалифицированных рабочих и гражданских служащих. Дополнительные доходы от земельной собственности, исходя из анализа формулярных и послужных списков, могли извлекать не более 6% офицеров-дворян, служивших на Дальнем Востоке в составе высшего, среднего и низшего звеньев администрации.

Непростые жизненные условия, сложившиеся на Дальнем Востоке, и отсутствие дальнейшей перспективы на военном поприще заставляли многих офицеров (особенно семейных) искать лучшего существования на гражданской службе. Офицеры оставляли военную службу по ряду причин: 1) оклады содержания гражданских чинов были значительно выше военных; 2) гражданская служба была свободна от обязательных взносов в полковое собрание, войсковую библиотеку, заемный капитал и т.п.; 3) гражданская служба давала более быстрое продвижение по чинам и должностям; 4) гражданские должности давали больше возможностей для неконтролируемого материального обогащения путем «темных поборов» с местного населения, нежели финансовые уловки на военной службе; 5) высшая администрация Дальнего Востока, имевшая выраженный военный облик, зачастую отдавала предпочтение и продвигала вперед людей с армейским стажем и военными ценностями.

Во второй главе — «*Военные деятели в составе высшей администрации на Дальнем Востоке России*» — рассматривается состав и деятельность офицеров в составе высшей администрации.

В первом параграфе даются общие сведения о военных деятелях в составе высшей администрации во второй половине XIX — начале XX в. В слой высшей администрации нами включены лица, имевшие должности III—V классов, высшие для региональной власти.

Военные деятели, занимавшие должности в высшей администрации Дальнего Востока, преимущественно были беспоместными дворянами, хорошо образованными (53% — с высшим образованием), достаточно опытными людьми средних лет, имевшими чины II—VII класса и находившимися

в составе высшей региональной администрации непродолжительное время (55% из них прослужили менее 5 лет).

Первую группу составляли лица, оказавшиеся на Дальнем Востоке впервые и имевшие о нем смутные представления, но, как правило, обладавшие опытом гражданской службы иных окраин Российской империи (Кавказ, Средняя Азия). Такими были, например, Н.И. Гродеков и А.П. Чайковский. Во вторую группу входили лица, попавшие на Дальний Восток в молодые годы, прослужившие здесь длительное время на военной службе и неплохо узнавшие местные условия. Они не имели опыта гражданской административной деятельности, но впоследствии становились хорошими чиновниками-практиками. Типичный представитель группы — военный инженер П.Ф. Унтербергер. Третью группу составляли «гвардейцы». Как правило, это были лица, окончившие Пажеский корпус или иное престижное военно-учебное заведение, служившие в гвардии и (или) обладавшие земельной собственностью, состоявшие в родстве с именитыми сановниками и пользовавшиеся их протекцией (Н.П. Дитмар, А.Н. Корф, Н.М. Чичагов). Последнюю группу представляли лица, перешедшие на гражданскую службу младшими офицерами, получившие значительный опыт административной деятельности в Центральной России и занявшие места в высшей администрации Дальнего Востока уже не в военных, а в статских чинах (А.Г. Чаплинский, В.И. Лодыженский, Д.Д. Григорьев).

Второй параграф посвящен характеристике военных деятелей на гражданской службе с позиции культурно-нормативной стратификации. Использование данного метода позволяет выделить различные подгруппы в составе одной большой группы на основе какого-либо объективно существующего признака (или признаков) и более полно представить ее социально-психологический облик. Традиционно выделение групп происходит на основе формальных (происхождение, образование, возраст и т.п.) и неформальных критериев (нормы поведения, стиль жизни, манеры общения, система ценностей).

На Дальнем Востоке встречалось немало администраторов николаевского типа, *сторонников активного личного начала в управлении*. Типичными представителями этой группы среди генерал-губернаторов были Н.Н. Муравьев, Н.П. Синельников и отчасти С.М. Духовской. Среди военных губернаторов — П.И. Запольский, Н.В. Буссе, В.С. Завойко. Они стремились лично участвовать в решении возникавших проблем, причем действовали быстро и решительно, без особой оглядки на «канцелярский формализм», а иногда и на закон, были требовательны к подчиненным и преследовали коррупцию. Для них были характерны энергия, целеустремленность, бес-

корыстие, личная честность, искренняя забота о благе подведомственного им населения. Многие из них не только не пользовались служебным положением для исправления материальной ситуации, но и относились к казенным деньгам куда внимательнее, чем к собственным. Экономия государственных сумм всегда оставалась для них приятной обязанностью.

В отличие от них, другая группа (например, М.С. Корсаков, Д.Г. Анучин, Н.И. Гродеков, М.Н. Ляпунов) являла собой разительный пример мастеров бюрократии, *канцелярских служаек*, которые довели переписку со столицей до верха совершенства. Из-за отсутствия личных доверительных отношений с членами царской семьи и министрами они втягивались в длительные бумажные баталии с центральными ведомствами, которые едва ли приносили позитивный результат, так как к тому времени когда Центр давал наконец согласие, те или иные вещи успевали утратить актуальность и на первый план выходили другие проблемы, решение которых опять откладывалось.

Особую проблему представляли собой *военные деятели*, которые после отделения в 1911 г. на Дальнем Востоке высшей гражданской и военной власти, *конфликтовали с гражданским генерал-губернатором* Н.Л. Гондатти. Типичным примером может служить приморский военный губернатор А.Д. Сташевский (1914—1916), который открыто критиковал действия и заведенные Гондатти порядки. В своей деятельности он старался во всем обособиться от главного начальника края и показать свое превосходство. Основными источниками споров между ними были различные концепции чести и достоинства. Военные деятели всегда подчеркивали, что скреплены офицерской присягой и служат лишь царю и отечеству, показывая этим, что сотрудничество с гражданскими деятелями было ниже их достоинства. Влиятельные чиновники, которые хорошо знали военных, не строили иллюзий относительно офицерского корпуса. Они сознательно отвергали армейскую жизнь и видели в гражданской службе более плодотворную и значимую область деятельности.

В третьей главе — «*Военные деятели в администрации среднего звена на Дальнем Востоке России*» — рассматривается состав и деятельность офицеров в составе администрации среднего звена.

В первом параграфе даются общие сведения о военных деятелях в составе администрации среднего звена во второй половине XIX — начале XX в. К среднему звену относились должности VI—VIII классов.

Военные деятели, занимавшие на Дальнем Востоке должности в составе администрации среднего звена, в значительной части состояли из беспоместных дворян, официальным источником доходов которых оставалось

казенное содержание. Они были довольно образованными (60% — со средним образованием), но недостаточно опытными молодыми людьми, находившимися на гражданской службе в регионе весьма продолжительное время (85% прослужили здесь не менее 10 лет).

Первую группу составляли лица, которые ко времени перевода на Дальний Восток уже имели опыт гражданской службы в иных местностях империи, к тому времени, как правило, переименованные в гражданские чины. Они были более зрелыми, нередко в штаб-офицерских чинах. Это был если не конец их карьеры, то, по крайней мере, ее закат. Для многих из них должность на Дальнем Востоке оказалась последней. Вторую группу составляли относительно молодые офицеры (не старше 30 лет), для которых гражданская служба на Дальнем Востоке была началом карьеры. Перед тем как попасть в состав местной администрации, они провели здесь некоторое время на военной службе. В отличие от представителей первой группы они не имели соответствующего опыта, но знали местную специфику, обладали должной активностью и весьма успешно справлялись со своими обязанностями.

Второй параграф посвящен характеристике военных деятелей на гражданской службе с позиции культурно-нормативной стратификации. Нами были выделены несколько социокультурных групп: приезжие — местные, дворяне — не дворяне, образованные, служаки «старого времени» и неудачники гражданской службы³².

Традиционным для окраин было деление на *приезжих* из Европейской России с более высоким сословным статусом и широкими служебными перспективами и *местных*, которые не часто достигали вершин иерархической лестницы, хотя и занимали главным образом ее низшие и частично средние этажи. Местным уроженцам, особенно тем, чьи отцы не успели выслужить дворянство, было гораздо труднее получить образование и сделать карьеру.

Среди приезжих особо выделялась группа беспринципных карьеристов, «амурских хищников», которые использовали служебное положение в корыстных интересах. Многие из них имели придворные связи и смотрели на свое пребывание в регионе как на временное неудобство, которое нужно было пережить для дальнейшего служебного роста. Детально в жизнь подведомственной территории они не входили, зачастую не соблюдая и местных традиций, держа себя с подчиненными очень высокомерно.

³² Подобные социокультурные группы были выявлены видными отечественными историками П.А. Зайончковским, С.М. Троицким, Л.Г. Захаровой, Н.Н. Покровским, Н.П. Матхановой применительно к среде высшей региональной и общероссийской администрации дореволюционной России.

Среди местных уроженцев были редкие исключения — люди, сумевшие самостоятельно достичь высокого положения благодаря способностям и усердию. М.И. Венюков называл их «сибирскими самородками». Они попадали на значительные должности, не имея на то формальных прав — ни высокого сословного статуса, ни образования, но обладали богатым жизненным опытом и достигли всего долгими годами канцелярского труда.

Деление на *дворян* — *не дворян* сохранило значение уже в меньшей степени. В отличие от поместного дворянства, насыщавшего офицерский корпус в дореформенный период, во второй половине XIX — начале XX в. он был укомплектован служилыми дворянами, почти не отличавшимися по своему менталитету и материальному положению от разночинцев.

Образованные были обычно добросовестными и либерально настроенными служащими. Они активно сотрудничали с региональными отделениями всероссийских научных обществ (Географическим, Техническим, Востоковедения и др.), пополняя собой интеллектуальную элиту окраин.

Служаки «старого времени». Такой тип управления в основном был характерен для деятелей эпохи 1850—1870-х гг., но встречался и позднее. Характерной чертой многих из них была боязнь бумаготворчества и делопроизводства. Некоторые отличались самовластием и узко-полицейским взглядом на задачи правительства, что, однако, не мешало им охранять интересы местных жителей и осуществлять свою власть «на началах патриархального покровительства и заботливого отношения к туземцам»³³.

Были и *неудачники* на гражданской службе. Им катастрофически не везло. Они определяли свою судьбу дурным стечением обстоятельств. Такие служащие иногда допускали досадные оплошности в работе и попадались «под горячую руку» начальства. Одни проявляли излишнюю разборчивость в должностях, другие начинали ретиво бороться с взяточничеством и казнокрадством, предавая огласке заведенные порядки. Не желая идти на компромисс, они входили в конфликт с властью и вскоре лишались своих мест.

В четвертой главе — «Военные деятели и низшие должности администрации на Дальнем Востоке России» — рассматривается состав и деятельность офицеров в составе администрации низшего звена.

В первом параграфе даются общие сведения о военных деятелях в составе высшей администрации низшего звена во второй половине XIX — начале XX в. К низшему звену относились должности IX—XIV классов.

Военные деятели, занимавшие должности низшего звена в составе администрации Дальнего Востока, были довольно образованными (85% со

³³ Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 136.

средним образованием), но недостаточно опытными молодыми людьми (72% в возрасте до 40 лет), недолго служившими в регионе на гражданской службе (78% — менее 5 лет). Больше половины из них были дворянами и совсем немногие помещиками, которые имели официальным источником доходов казенное содержание.

Второй параграф посвящен характеристике военных деятелей на гражданской службе с позиции культурно-нормативной стратификации.

Назначенные по протекции. Таким людям во многом благоволила судьба. Они умело пользовались высоким покровительством. С высшей администрацией Дальнего Востока их нередко связывала принадлежность к числу выпускников одного учебного заведения или офицеров одного полка. В отличие от «амурских хищников» они нередко оказывались довольно неплохими управленцами, оправдывавшими доверие начальства и ожидания местного населения.

Среди лиц, служивших в низшем звене администрации выделялась группа «темных дельцов», которых военный губернатор Приморской области И.Г. Баранов назвал «людьми деморализованными, ищущими легкой наживы и не разбирающими средств к тому»³⁴. Довольно много их было среди служащих каторги и полиции. Как правило, такие офицеры обладали искаженной системой ценностей, несложной моралью и непрочь были обогатиться за чужой счет.

Сопоставляя формальные характеристики военных деятелей в высшем, среднем и низшем звене администрации можно прийти к следующим выводам*. В составе трех групп — более половины дворян, совсем мало помещиков, что было общим следствием оттока из офицерского корпуса во второй половине XIX — начале XX в. класса земельных собственников. В 1-й группе заметно больше образованных людей. Как правило, они имели высшее образование, представители 2-й и 3-й групп — среднее, причем у них высока доля лиц, окончивших окружные юнкерские училища. Такое образование было характерным не только для офицеров из разночинцев и податных сословий, но и дворян.

В 1-й группе было больше лиц среднего и пожилого возраста. Неудивительно, чтобы занять высшие должности, надо было иметь значительный военный, административный, дипломатический опыт и отличаться ранее на каком-то служебном поприще. В основном это были люди в высоких чинах III—VI класса. Назначение на Дальний Восток было для многих из них закатом удачной карьеры, пропуском к гарантированной пен-

³⁴ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 56. Л. 53.

* Для удобства изложения обозначим их как 1-ю, 2-ю и 3-ю группы.

сии и обеспеченной старости. Во 2-й и 3-й группах заметно больше начинающих служащих, для которых гражданские занятия на Дальнем Востоке были началом карьерного роста. Среди них встречались и офицеры в возрасте 40—45 лет с опытом гражданской службы, полученным в других районах России.

Представители 2-й и 3-й групп во многом были похожи. Некоторые из военных деятелей, оказавшихся в составе среднего звена администрации, вышли из ее низов. Благодаря своей целеустремленности и должной активности они смогли продвинуться наверх и сделать довольно успешную карьеру. Другие, «не сумев понравиться начальству», так и остались на нижних этажах иерархической лестницы. Многие из них делали это сознательно, в ущерб чинам и должностям занимаясь темными поборами с населения.

В заключении подводятся основные выводы диссертационного исследования.

По своей природе, выполняемым функциям в обществе и государстве армия традиционно относится к числу наиболее значимых социальных институтов. Этой исключительностью она обязана трем преимуществам: превосходству в организации, высокому символическому статусу и монополии на вооружение. При этом армия является частью государственного аппарата и направляет свою мощь на выполнение задач, стоящих перед правительством. Таким образом, она изначально встроена в систему государственной власти³⁵.

Принцип дисциплинарной субординации стал важнейшим механизмом государственной организации и энергично применялся ко всему аппарату управления. В милитаризме самодержавие искало и находило не только наиболее надежную опору, но также недостижимый и все-таки желанный образец общественного порядка.

Не стал исключением и Дальний Восток, система управления которым изначально формировалась как *военизированная*. Высшие должностные лица местного управления были встроены в военную иерархию и оказывались в соподчиненном положении не только по линии административных отношений, но и по линии воинской субординации. Вплоть до начала XX в. генерал-губернаторская и губернаторская должности на Дальнем Востоке носили подчеркнуто военный характер.

Широкое использование военных деятелей на гражданских должностях в дальневосточном регионе в начале исследуемого периода объяснялось,

³⁵ Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979. С. 367—368; Finer S.E. The man on the Horseback. The role of the Military in Politics. Boulder, Colorado, 1988. P. 5.

во-первых, общей милитаризованностью управления в Российской империи при Николае I, а во-вторых, было связано с тем, что до 1876 г. не был четко регламентирован перечень гражданских должностей, которые разрешалось занимать военным деятелям. Между редакциями «Устава о службе гражданской» 1857 г. и 1876 г. были некоторые разночтения. Если в издании 1857 г. еще действовали многие законоположения времен Николая I, то в 1876 г. они уже были опущены.

Офицеры, входившие в состав дальневосточной администрации, преимущественно были заняты в сфере общего управления. Анализ сохранившихся послужных списков свидетельствует, что 90% от их общего количества приходилось на должности ведомства внутренних дел и юстиции, особенно с переводом туда в 1895 г. Главного тюремного управления. Кроме того, соответствующие статьи «Устава о службе гражданской» (ст. 169, 209) зачастую сужали спектр потенциальных гражданских должностей для военных деятелей Министерством внутренних дел. В период 1860—1917 гг. удельный вес офицеров в узкоспециализированных ведомствах (финансовом, государственных имуществ, путей сообщения и др.) снизился, в связи с их демилитаризацией в 1860-е гг. Вместе с тем в МВД он был традиционно высок на протяжении всего исследуемого периода. Не случайно, например, в начале XX в. почти все пограничные комиссары на Дальнем Востоке были офицерами Генерального штаба, а среди уездных начальников доля лиц с военным образованием и военной подготовкой составляла 40%.

Военизированная вертикаль региональной власти была следствием нескольких причин: 1) отсутствием социальных резервов, из которых могла бы пополняться гражданская бюрократия; 2) нежеланием российского правительства нести финансовые затраты, связанные с расширением штатов гражданского управления в дальневосточном регионе; 3) принудительного, насильственного характера большинства проектов власти, которые требовали исполнителей с соответствующей подготовкой и внутренней предрасположенностью; 4) значительного числа запасных и отставных офицеров, которые пользовались преимуществами при поступлении на гражданскую службу и содействовали сохранению ее военизированного облика.

Используя формальные и неформальные критерии, автором были выделены различные социокультурные группы среди военных деятелей, служивших в высшем, среднем и низшем звене дальневосточной администрации. Входившие в них люди отличались своим происхождением, образовательным уровнем, поведением в быту и на службе, системой ценностей и направлением профессиональной деятельности. Среди них были лица как вполне заурядные, иногда случайно попавшие на гражданские должно-

сти, так и выдающиеся администраторы. Основная же заслуга военных деятелей заключалась в том, что они восполнили недостаток гражданских специалистов, способствовали становлению и развитию системы управления и тем самым внесли значительный вклад в укрепление стратегических позиций России на Дальнем Востоке.

Приложения содержат 12 таблиц со статистическими данными.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Павлов, Ю.А. Ликвидация русской армией беспорядков в Маньчжурии в 1900 г. / Ю.А. Павлов // Третьи Гродековские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции. Хабаровск, 2001. С. 42—45. (0,15 п.л.).
2. Павлов, Ю.А. Русская армия на Дальнем Востоке (1884—1905): геополитический аспект / Ю.А. Павлов // Четвертые Гродековские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции. Хабаровск, 2004. Ч. 1. С. 26—30. (0,2 п.л.).
3. Павлов, Ю.А. Морально-психологическое состояние офицерского корпуса русской армии в войне с Японией 1904—1905 гг. / Ю.А. Павлов // Восьмая Дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток, 2004. С. 104—110. (0,3 п.л.).
4. Павлов, Ю.А. Воспоминания штабс-капитана В.М. Молчанова о русской армии накануне Первой мировой войны / Ю.А. Павлов // Россия и АТР. Владивосток, 2004. № 4. С. 148—154. (0,3 п.л.).
5. Павлов, Ю.А. П.Ф. Унтербергер о Портсмутском мирном договоре / Ю.А. Павлов // Россия и страны АТР в военных конфликтах и мировых войнах XX века. Материалы междунар. науч. конференции. Хабаровск, 2005. Т. 1. С. 145—150. (0,25 п.л.).
6. Павлов, Ю.А. Корпус военных губернаторов Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX века / Ю.А. Павлов // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Владивосток, 2005. Т. 9. С. 166—186. (0,9 п.л.).
7. Павлов, Ю.А. Горные инженеры Востока России середины XIX века: социальный портрет на фоне эпохи / Ю.А. Павлов // Вестник Приамурского регионального отделения Российской Академии Естественных наук. Хабаровск, 2005. № 1. С. 111—118. (0,4 п.л.).

8. Павлов, Ю.А. Записки сенатора Н.П. Синельникова как источник по истории системы управления на Востоке России во второй половине XIX века / Ю.А. Павлов // Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2006. Вып. 13. С. 15—24. (0,5 п.л.).
9. Павлов, Ю.А. Казачьи офицеры и гражданская служба на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX века / Ю.А. Павлов // Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX в. Сб. науч. статей. Хабаровск, 2006. С. 45—51. (0,3 п.л.).
10. Павлов, Ю.А. Военные деятели в системе управления на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX — начало XX в.) / Ю.А. Павлов // Пятые Гродековские чтения. Хабаровск, 2006. Ч. 2. С. 52—56. (0,25 п.л.).

Изд. лиц. ИД 05497 от 01.08.2001 г. Подписано к печати 18.11.2006 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,49. Тираж 120 экз. Заказ .

Отпечатано в типографии ФГУП Издательство «Дальнаука» ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7.